

съ просьбой дозволить ему пройти съ войскомъ черезъ ихъ землю; но Менахема упрекають за то, что онъ пустился въ путь съ дѣловымъ порученіемъ, презрѣвъ святость субботняго дня. Когда Александръ отправилъ къ нимъ другое посольство, ему объявили, что могутъ сноситься лишь съ обрѣзанными. Идетъ къ нимъ самъ Александръ, ибо этотъ обрядъ былъ надъ нимъ совершенъ, и какой-то старецъ говоритъ ему о жизни и бытѣ десяти колѣнъ: они живутъ войною съ сосѣдними язычниками, противъ которыхъ пять колѣнъ отправляются въ походъ на десять лѣтъ, послѣ чего смѣняются другими пятью. Денно и ночью всѣ изучаютъ Тору, а по субботамъ до полудня наслаждаются всевозможными яствами. Не получивъ дозволенія провести войско по ихъ странѣ, Александръ возвращается, переправившись черезъ рѣку, когда въ субботу онъ снова стала спокойна. — Въ непосредственно слѣдующей главѣ говорится о землѣ Цидуніи, гдѣ горы покрыты чѣмъ-то приторно сладкимъ, похожимъ на манну. Это не манна-ли, которой питаются блаженные Зосимы? Хожденіе его и Герасима — христіанская перелицовка легенды Эльдада, пересказанной еврейской Александріей,

V.

Чѣмъ дальше мы проникаемъ въ чашу сказаній, питавшихъ средне-вѣковую фантазію, тѣмъ серьезнѣе поднимается вопросъ о культурныхъ и повѣствовательныхъ скрещиваніяхъ, тѣмъ рѣзче обозначается вліяніе классическаго и спеціально византійскаго начала. Александрія играетъ здѣсь не послѣднюю роль. Я уже имѣлъ случай поставить вопросъ получающій значеніе не въ границахъ только ея вліянія: въ сербскомъ романѣ, въ передачѣ собственныхъ именъ греческаго подлинника, *φ* нерѣдко замѣняетъ и: Фригія—Придія, Фарпжъ — Парижъ, Вучифаль—Дучипаль; Поръ — Форъ и Поръ. Форъ является-ли обычной въ сербскомъ текстѣ перегласовкой Пора, или отзвукомъ восточнаго *Fūr*? Именно эта форма имени указываетъ на пеглевійскій источникъ сирійско-эіопскаго Псевдокаллисена. Отмѣчу въ повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены тѣ-же имена съ той-же перегласовкой: Поръ, нѣм. *Phago* ¹⁾.

Интереснѣе, быть можетъ, слѣдующій фактъ, если только дѣло идетъ не о случайномъ совпаденіи именъ и образовъ.

Сага о *Göngu-Hrólfi* ²⁾, XIV вѣка, принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ романтическихъ или вымышленныхъ, только внѣшнимъ образомъ приуроченныхъ къ именамъ и отношеніямъ старыхъ сагъ, но съ содержаніемъ сказочнымъ, съ двергами и чарами и сильно-развитымъ элементомъ чисто-сѣвернаго чудеснаго. Сказочное содержаніе приходило нерѣдко извнѣ, изъ захожихъ повѣстей, переводныхъ или перенятыхъ устно; такъ въ эпизодѣ нашей саги о *Hrólfi* и *Vilhjálm*'ѣ при дворѣ въ

1) Изъ исторіи, I. с. стр. 361—2; Nöldeke I. с., стр. 38.

2) Fornaldar Sögur Norðlanda III стр. 237 слѣд.

Garðaríki отразились, быть можетъ, сходныя отношенія Конрада и Роберта въ сагѣ о первомъ: мотивъ предателя, заставившаго своего друга сказаться слугой, тогда какъ самъ онъ является въ роли хозяина ¹⁾.

Дѣйствіе саги обнимаетъ Швецію, Норвегію, Данію, Англию, Tattara-riki; центръ Garðaríki = Русь, съ Гольмгардомъ = Новгородомъ ²⁾, Egm-land'омъ, Aldeigjuborg'омъ (= Ладогой?) и Коенугард'омъ (Кіевомъ), лежащимъ у горъ, отдѣляющихъ Jötunheim отъ Holmgarðaríki ³⁾.—У русскаго конунга Hreggvið'a дочь красавица, Ингигерда; на него идетъ войною конунгъ Eirekr изъ Gestrekaland, и Hreggviðr палъ въ битвѣ. Его дочь соглашается выйти за побѣдителя лишь подъ условіемъ, что ей будетъ данъ трехгодичный срокъ и ея судьба рѣшится поединкомъ между витяземъ Эйрека и тѣмъ, кого она поставитъ отъ себя. Hreggviðr торжественно похороненъ въ холмѣ, но онъ продолжаетъ жить въ немъ призрачною жизнью, порой показывается и таинственно вліяетъ на ходъ событій. Онъ ищетъ мстителя за себя и дочь. Когда однажды Þorgnýr, король Ютланда и Даніи, сидѣлъ на могилѣ своей жены, чайка (это былъ Hreggviðr) уронила ему на колѣни прекрасный, длинный золотой волосъ. Это волосъ Ингигерды, говоритъ совѣтникъ короля, и Торгнирь обращается къ своимъ людямъ: кто поѣдетъ въ Garðaríki и принесетъ ему вѣсти о дѣвушкѣ, тотъ получитъ руку его дочери и треть его царства. Всѣ молчатъ, никто не отвѣчаетъ, вызывается Hrólfr—и сага развивается далѣе, рассказывая о томъ, какъ онъ добылъ царевну, которая впослѣдствіи и становится его женою.

Обращусь къ тѣмъ подробностямъ саги, которыя и побудили меня пересказать вкратцѣ ея содержаніе. Когда король Hreggviðr былъ молодъ, ходилъ на Двину (um ána Dupu), что протекаетъ по Гардарики, а оттуда въ Austrríki, гдѣ бился съ разными народами. Двина—третья или четвертая по длинѣ рѣка въ свѣтѣ; ея источникъ искалъ Ингваръ Далекоѣзжій, какъ говорится въ сагѣ о немъ ⁴⁾. Изъ похода Hreggviðr явился съ богатой добычей, «взялъ и коня, понимавшаго человѣческую рѣчь, звали его Dúlsifal; онъ былъ быстръ, какъ птица, ловокъ, какъ бѣлка, ростомъ съ верблюда (úlfaldi); онъ не давался въ руки человѣку побѣжденному или кому не суждена побѣда, а кому она суждена, тотъ былъ его хозяиномъ. Былъ онъ изъ рода дромедаровъ» (af kyni drómédaríógrum) ⁵⁾. Наканунѣ пораженія Hreggvið'a его не могли взять, загнали въ ограду, но когда король подошелъ къ нему, онъ перескочилъ черезъ

1) См. мои Сказанія о Вавилонѣ, скинии и Св. Градѣ, стр. 2 слѣд. отдѣльнаго оттиска.

2) Стр. 237—8: Holmgarðaríki er sumir menn kalla Garðaríki. Сл. стр. 285.

3) I. c. стр. 362.

4) Ingvars saga Viðförla. Двина вытекаетъ изъ источника Lindibelti (липовый поясъ).

5) Fornaldar sögur III, стр. 239, 240.

двери и помчался въ лѣсъ; всѣ увидѣли въ этомъ недоброе знаменіе ¹⁾. Когда является на сцѣну Hrôlf, мститель за Hreggvið'a, Ингигерда передаетъ ему вооруженіе отца и его коня. Dúlcifal запертъ былъ съ другими лошадьми за крѣпкой рѣшеткой, бился и кусался и побивалъ коней, но когда явился Hrôlf и ударилъ въ щитъ копьемъ (stönginni), Dúlcifal подошелъ къ нему, а копье и щитъ звенѣли всѣмъ на диво; осѣдлавъ коня, Hrôlf вскочилъ на него во всеоружіи, а Dúlcifal перелетѣлъ съ нимъ черезъ ограду, не задѣвъ ея. Въ битвѣ Hrôlf'a съ Eirek'омъ, Dúlcifal бьется самъ: носится птицей, стоитъ какъ вкопанный (sem hann vaeri grofínn piðr), когда Hrôlf сбросилъ своего противника въ лужу, встаетъ на дыбы и топчетъ враговъ, его глаза налились кровью, изо рта и ноздрей точно пламя пышетъ ²⁾.— Hrôlf увозитъ на немъ Ингигерду; на пути предатель Vilhjálmr вколочъ въ него снотворное терніе, и онъ заснулъ, какъ убитый; Vilhjálmr убилъ бы его, еслибы не защита коня; когда предатель удалился съ царевной, Dúlcifal вынимаетъ копытомъ терніе; и Hrôlf пускается въ погоню за похитителемъ ³⁾.

Въ этомъ образѣ эпическаго коня много всѣмъ знакомыхъ сказочныхъ чертъ, приуроченныхъ къ міросозерпанію сѣвернаго человѣка, но онѣ объединились вокругъ одного центрального образа: Букефала Александріи. Оба — чудесные кони: Букефалъ съ воловьимъ или волчьимъ клеймомъ, «вологлавый», Dúlcifal изъ породы дромедаровъ; тотъ и другой даются только герою. Dúlcifal не сѣверное прозвище; оно всего ближе къ Доучипалу сербской Александріи; въ послѣдней уже отмѣчена была, въ передачѣ собственныхъ именъ, замѣна *ð* черезъ *n*: Доучипалъ отвѣчаетъ, стало быть, первоначальной формѣ: Дучифалъ. Это приводитъ насъ къ сѣверному Dúlcifal'у и вопросу: откуда явилось это имя въ сербской Александріи, въ доступныхъ намъ греческихъ текстахъ которой царствуетъ старая форма: Букефалъ? Я предположилъ что редакторъ того текста, съ котораго сдѣланъ былъ сербскій переводъ, знакомъ былъ съ литературой западной романтики, съ какой-нибудь утраченной версіи Historia de preliis. Къ этому предположенію вели и романизмы и латинскій обликъ собственныхъ именъ ⁴⁾; сюда относится и романское по облику Dulcifal. Подлинникъ сербской Александріи я отнесъ къ XIII—XIV в.; сагу о Göngu-Hrôlf'ѣ относятъ къ XIV-му. Какимъ путемъ и изъ какого источника прошелъ въ нее эпизодъ о Dúlcifal'ѣ?

VI.

Александрія не только проникала въ средневѣковыя литературы, преданія и сказки, но, какъ мы видѣли, и сама осложнялась по пути встрѣч-

1) *ib.* 242.

2) стр. 281, 294—6.

3) *Сл.* стр. 296, 303, 304, 306—7.

4) Изъ исторіи стр. 444 слѣд.